

ПЕРЕВОДЧИК ТИШИНЫ

Я – просто переводчик тишины,
которая стучится в наши души
со всех фронтов: от мира до войны,
сквозь перемирий плен, что был нарушен
миллионы раз под тяжестью вины.

Я – просто переводчик тишины
с небесного на русский. Без ошибок
никак не обойтись. Они видны
всем тем, давно достигшим глубины,
что более меня одарены,
чей стих прозрачен, ясен, легок, зыбок,
как птиц полет по краешку весны.

Я – просто переводчик тишины,
толмач, каких немало в этом мире.
Я – воин рифм в застиранном мундире.
Но капли крови все равно видны...

Я – просто переводчик тишины...

ОДИНОЧЕСТВО В КОКТЕБЕЛЕ

Сентябрьский дождь штрихует Карадаг
и шелестит волной.

Полночный Коктебель – как саркофаг:
угрюмый, неземной.

Сидит рыбак на пирсе. Вымок весь,
согнулся запятой.

Засеребрилась вдруг морская взвесь
под лунною пятой.

На миг один спустилась красота
с небесных палестин.

...И снова дождь. И снова темнота.

Рыбак опять один.

МНЕ БЫЛО ЧЕТЫРЕ

Мои корабли бороздили херсонские степи,
и их якоря целовались в засос с целиною.
Я помню, водил корабли на бахчу к водопою:
гремели, змеясь по пылюке, железные цепи.

Мне было четыре. Не века. Не жизни. А го́да.
Я помню поселок. На ферме работала мама.
И степь для меня была домом, и садом, и храмом.
А крышей – бескрайняя твердь небосвода.

Мои самолеты влетали в соседские окна,
гонимые жгучими вздохами пыльного ветра.
Старуха Петрова по-свойски, но авторитетно,
меня называла залетным. Ее хлесткий окрик
летел из окна вслед за брошенным вниз самолетом.
Ей вторил петух. Разносилось его «кукарéку»
стремительным эхом вдоль улиц за школу, за реку.
А я наслаждался беспечным, как детство, полетом.

Мне было четыре. Я жизнь запускал, словно птицу,
и верил, что если все время лететь, не садиться,
то через сто лет залетишь аж за самый за край
«не знаю чего». Но то место похоже на рай.